

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ГЛАЗОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
имени В.Г. Короленко»

РУССКИЙ ЯЗЫК В ДЕЙСТВИИ

*Материалы
Всероссийской научно-практической конференции
в рамках Года русского языка*

(1 – 2 февраля 2008 года)

Глазов 2008

УДК 800
ББК 81.2Рус.
Р89

Русский язык в действии: Материалы Всероссийской науч.-практ. конф. / Отв. ред. М.К. Каракулова; Глазов. гос. пед. ин-т. – Глазов: ГГПИ, 2008. – 204 с.

ISBN 978-5-93008-106-0

Редколлегия:

кандидат филологических наук, доцент кафедры рус. языка
М.К. Каракулова (отв. редактор),
кандидат филологических наук, доцент кафедры рус. языка
В.П. Соколова,
старший преподаватель кафедры рус. языка *М.П. Горбунова*.

В сборник включены статьи, посвященные исследованию и описанию вопросов функционирования русского языка в России и за рубежом, русского языка в коммуникативно-прагматическом аспекте, теории текста, синтаксиса, языка СМИ, проблем вариативности языковой личности, а также статьи, связанные с проблемами вузовской методологии и технологии обучения русскому языку.

ISBN 978-5-93008-106-0

В описании «срединной ситуации» автор нередко прибегает к объединению или одновременному отрицанию обоих экстремальных предикатов. В роли семантического нейтрализатора часто выступает лексема **жизнь**:

Я оглядел пустой чемодан. На дне – Карл Маркс. На крышке – Еродский. А между ними – пропащая, бесценная, единственная жизнь» [т. 2, с. 249].

Концепт **жизнь** занимает срединную позицию между полярными точками зрения (экспликаторы в текстовом фрагменте: контекстуальные антонимы *дно*, *крышка* и *Карл Маркс – Еродский*, предлог *между*), кроме того, он сочетает в себе несочетаемое (экспликатор – психологический оксюморон *пропащая, бесценная, единственная жизнь*).

Рассмотренный материал показывает, что единство словесного развертывания в произведениях Довлатова тем «жизнь», «гармония» обусловлено устойчивой связью ассоциативных полей одноименных концептов.

Лексические ассоциаты АСП концепта **гармония** демонстрируют приоритетность для писателя эстетических категорий «середины, центра», преломляющихся в психологических состояниях «покоя», «равновесия».

Второе направление ассоциирования: гармония – органический хаос демонстрирует, что сложность и многообразие жизни несоизмеримо выше продуманного, искусственного примитивизма бинарных оппозиций дискурса власти, железного порядка ритуала тоталитарного государства.

Список литературы

- Довлатов, С. Собрание сочинений: В 3 т. / С. Довлатов; Предисл. А. Арьева. – СПб., 1995.
- Ожегов, С.И. Словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – М., 1994.

В.С. Мельникова

КОНЦЕПТ «ЖАЛОСТЬ» В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

В центре внимания современной лингвистики находятся проблемы, обусловленные активизацией интереса исследователей к принципам взаимодействия человека, языка и культуры. Язык, будучи одним из основных признаков нации, выражает культуру народа, который на нем говорит, то есть творит национальную культуру. При этом на современном этапе развития лингвистики язык рассматривается как результат сложной когнитивной деятельности человека.

Разноплановость в осмыслении природы языка определила, в частности, формирование на рубеже XX–XXI веков таких научных дисциплин, как лингвокультурология и когнитивная лингвистика, появление которых стало возможным в результате антропологического подхода к языку.

Одной из основных проблем, решаемых в рамках этих наук, является проблема репрезентации в языке концептов, культурно значимых оперативных единиц сознания. В лингвистической литературе концепт трактуется по-разному, исходя из того релевантного признака, который является основой его дефиниции. Однако большинством исследователей (А. Вежбицкая, С.Г. Воркачев, В.И. Карасик, Е.С. Кубрякова, Д.С. Лихачев, Ю.С. Степанов и др.) подчеркивается, что концепт – это культурно обусловленное, сложное структурно-смысловое образование, представленное в языке планом выражения соответствующей лексико-семантической парадигмы. Концепт, таким образом, включает в себя как все то, что определяет значение и смысл понятия, так и то, что делает его фактом культуры: этимологию, историю, социальные оценки.

Как очень точно отметила Н.Д. Арутюнова, «человек живет в контексте культуры. Она является для него «второй реальностью». Он создал ее, и она стала для него объектом познания. Природа познается извне, культура изнутри. Ее познание рефлексивно. Чтобы в нем разобраться, нужно проанализировать метаязык культуры, и, прежде всего, ее ключевые термины» [Арутюнова, 1991, с. 23]. В ключевых концептах культуры актуализируется ментальность народа, его способ видения мира, который воплощается в категориях и формах языка, соединяющих в себе интеллектуальные, духовные и волевые качества национального характера в типичных его проявлениях.

Кроме того, концепты содержат информацию о ценностных приоритетах культуры. Рассмотрение концептов как ментальных комплексов, выявление их национальной специфики позволяет сделать вывод о системе этнических ценностей, которые являются стержнем духовной культуры народа.

Думается, что исследование природы концептов на стыке когнитивного и лингвокультурологического подходов является одним из способов решения проблемы взаимодействия человека, языка и культуры.

Концепты в пространстве определенной культуры существуют не изолированно друг от друга. Вступая в системные отношения сходства, различия и иерархии, они образуют концептосферу культуры. Анализ такой упорядоченной совокупности концептов народа позволяет выявить особенности его национальной картины мира, сделать вывод о краугольных понятиях в сознании носителей определенного менталитета.

Одним из способов постижения национальной специфики концептов является исследование концептуализированного пространства художественной картины мира, в котором воплощено общечеловеческое, национальное и индивидуально-личностное отражение действительности. Возможность такого объединения возникает в результате диалектического соотношения национальной и художественной картин мира: национальные концепты являются неотъемлемой частью индивидуальной концептосферы, репрезентированной в художественном тексте, а когнитивные структуры индивидуально-авторского мировосприятия, в свою очередь, входят в национальную концептосферу.

Художественное отражение действительности рассматривается как результат коллективной творческой деятельности представителей различных видов искусств. Большой вклад в формировании художественной картины мира принадлежит литературе. В работах, посвященных проблеме эстетической оценки действительности, подчеркивается, что художественная картина мира русской литературы – это не столько образ мира, сколько образ отношения человека к миру [Жидков, 2003, с. 353].

Н.О. Лосский указывает на тот факт, что к числу первичных, особенно ценных свойств русского народа всегда относили «чуткое восприятие чужих душевных состояний» [Лосский, 1991, с. 258]. Действительно, для русского мироощущения пристрастное отношение человека ко всему вокруг является ключевым положением, на основе которого выстраивается вся национальная языковая модель мира.

В связи с этим из общей совокупности концептов можно выделить эмоциональную концептосферу русского языка, которая содержит информацию о состоянии внутреннего «я» человека, его сознании и психике. Эмоциональные концепты мыслятся русским языковым сознанием многочисленными образами, обладают ассоциативной направленностью и имеют динамический характер.

Наш научный интерес сосредоточился на исследовании эмоционального концепта «жалость», отражающего в языке чувственную сферу жизни человека. Данный концепт занимает особое положение в эмоциональной концептосфере русской культуры. Обусловлено это тем, что в его основе лежит такой предметно-образный код, как «чувство, вызванное чужой болью/мукой (физической/душевной)». Данный предметно-образный код, выражающий переживание чувства-отношения и определенное душевное состояние, обуславливает характер концептуальных признаков, образующих ядро и периферию концепта.

Анализ концепта «жалость» проводился на материале художественных произведений А.П. Чехова. Выбор объекта исследования не случаен. В художественной картине мира А.П. Чехова, главной идеей которой является гуманное сострадательное отношение к человеку, с наибольшей

полнотой отражаются значимые для русской языковой картины мира признаки концепта «жалость».

В результате применения комплексной методики, в соответствии с которой был выявлен и описан семный состав языковых единиц, репрезентирующих концепт «жалость», определен и исследован объем концептуальных признаков, рассмотрен синтагматический план функционирования слов-репрезентантов концепта, установлено, что ядро концепта составляют признаки, отсылающие к внутреннему психическому состоянию «сострадающего». Это такие признаки, как «симпатия, привязанность» (например: «Старик... подошел с огнем к Липе и взглянул на нее; и взгляд выражал *сострадание* и *нежность*» (В овраге)); «состояние душевной горечи» и «тяжелая переносимость возникшего чувства» (например: «*От жалости* и сознания, что он ничем не может помочь, им овладело то состояние душевного ослабления, когда он, чтобы избавиться от тяжелого чувства *сострадания*, готов бывал на всякие жертвы» (Соседи)).

Анализ периферии концепта «жалость», содержащей интерпретацию отдельных ядерных концептуальных признаков, показывает, что «сострадающий» (тот, кто жалеет) оценивается в русской культуре однозначно положительно, а «страдающий» (тот, кого жалеют), с одной стороны, достоин сострадания, с другой стороны, вызывает презрение (ср.: «И когда вечером он, сидя в столовой, повторял уроки, она смотрела на него с *умилением* и с *жалостью*» (Душечка) и «И, побуждаемый чувством, похожим и на *жалость*, и на *брезгливость*, он пошел во флигель вслед за евреем, поглядывая то на его лысину, то на щиколки» (Палата № 6)).

Периферию концепта «жалость» составляют следующие концептуальные признаки, противоречивость которых объясняется именно их принадлежностью к интерпретационной части концепта: сердечное, ласковое отношение «сострадающего» к «страдающему», добродетель, благодеяние как выражение, проявление внутреннего психического состояния «сострадающего»; ничтожность, невзрачность, презрение, отвращение как выражение оценки «страдающего» и характер отношения к нему (ср. контекстуальные синонимические ряды: «тихая, добродушная, жалостливая», «жалостливое, умиленное и светлое (лицо)» и «слабый, жалкий, ниже всех ростом», «жалкий, жирный скряга»).

Применение во взаимосвязи когнитивного и лингвокультурологического подходов к пониманию концепта позволило выделить в содержании исследуемого концепта ядерные и периферийные когнитивные признаки и компоненты, отражающие особенности русской ментальности: сострадательное отношение людей к окружающему миру является национально-культурным компонентом концепта. Именно такое, сострадательное, «сопереживательное» отношение людей друг к другу и к окру-

жающей действительности служит прочным фундаментом, на котором выстраивается жизнь человека в русской культуре.

Необходимо отметить, что испытывать чувство жалости к кому-либо характерно в большей степени для лиц женского пола. Гендер и этнический менталитет определяют «норму жалости». Женщины в целом сострадательнее мужчин, а русские женщины, наверное, сострадательнее всех прочих.

Принадлежность языковой личности к половой группе «женщины» является групповым компонентом концепта «жалость». Такой компонент исследуемого концепта можно объяснить тем, что для русского человека хранителем нравственных ориентиров и наставлений является христианство, у истоков которого женское и сострадательное начала находятся в неразрывной связи.

Проведенный анализ структурно-семантических характеристик концепта «жалость» позволяет сделать вывод о том, что чувства сострадательной любви и жалости, вызванной любовным, внимательно-заботливым отношением к кому-, чему-либо, имеют особую значимость в эмоциональной концептосфере русской культуры. Смежность «любви» и «жалости» связана с христианской, особенно православной культурой, а именно с представлением о смирении, о любви к слабому человеку, о том, что гордость – это зло. Чем большей ценностью является для человека гордость, тем меньше приемлема для него жалость.

Жалость в русской культуре как чувство очень близкое к любви всегда осознавалась как одна из высших нравственных ценностей. В связи с этим концепт «жалость» обретает статус концепта культурного.

Помимо взаимосвязи концептов «жалость» и «любовь» можно говорить о том, что исследуемый концепт вступает в эквивалентные отношения с такими концептами эмоциональной сферы, как «нежность», «печаль», «радость», «уважение» и «презрение».

Таким образом, анализ совокупности воплощенных в художественном тексте концептов позволяет смоделировать представление как об отдельных фрагментах национальной языковой картины мира, так и о ментальности народа в целом.

Список литературы

Арутюнова, Н.Д. Истина: фон и коннотация / Н.Д. Арутюнова // Логический анализ языка. Культурные концепты. – М.: Наука, 1991. – С. 21 – 30.

Жидков, В.С. Искусство и картина мира / В.С. Жидков, К.Б. Соколов. – СПб.: Алетейя, 2003. – 463 с.

Лосский, Н.О. Условия абсолютного добра: Основы этики. Характер русского народа / Н.О. Лосский. – М.: Политиздат, 1991. – 368 с.

Чехов, А.П. Полное собрание сочинений и писем в тридцати томах. Сочинения в восемнадцати томах. Т. 8, 9, 10 / А.П. Чехов. – М.: Наука, 1977.